

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Петя и суккубы

Ничего страшного не происходило. Грачи по-прежнему дежурили у форточки на ветке, провожали Петю по городу и важно расхаживали перед дверью какого-нибудь магазина, пока Петя делал покупки. Попытки выйти из магазина через другой выход успеха не имели ни днем, ни ночью. Эксперимент показал, что у этих гадов прекрасное ночное зрение. По крайней мере, на работу они его сопровождали каждую ночь, но, не доходя квартал до подъезда, куда-то исчезали.

Вот и сейчас вся компания сидела на небольшом кустике напротив Петиного дома, тонкие веточки гнулись под их непомерным весом. Петя поднял с дорожки кусок кирпича, который уютно устроился у бордюра, и запустил в ближайшего грача.

Кирпич, не долетев до птицы с полметра, остановился в воздухе, подумал и упал на газон.

– Чтоб не расслаблялись! – сказал Петя грачам и тут услышал рядом с собой голосок:

– Дядя, ты зачем в грачей камнем кидаешь, они же хорошие, красивые и червяков едят, а червяки скользкие и противные.

Рядом стояло беленькое существо лет пяти с двумя хвостиками на голове и с рюкзачком в виде сиреневого медведя за плечами.

– Все они не птицы, мышка, – начал было объяснять Петя, понимая, что начинает оправдываться.

Но тут к ним подошла толстая мамочка, взяла ребенка за руку и быстро повела по улице, приговаривая:

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-66.

– Не разговаривай с незнакомыми дядями! Развелось тут сумасшедших и наркоманов полный город. Сегодня он в грача камнем кинул, а завтра кто знает, что ему в голову взбредет?

– Мама, а наркоманы в птичек камнями кидают? – услышал Петя удаляющийся голосок.

– Вот гады, от вас одни неприятности! – сказал Петя грачам. – Вот теперь меня за маньяка приняли.

Грач с омерзением выплюнул червяка и демонстративно пожал крыльями, словно говоря:

– А кто тебе доктор? – и, не раскрывая крыльев, плавно опустился с ветки на траву.

Петя плюнул с досады на тротуар и зашагал прочь. Грачи выждали минутку и начали сопровождать его, перелетая с ветки на ветку.

«Человек ко всему может привыкнуть, – думал Петя, стараясь не замечать преследователей. – Вот совершенно очевидно, что это совсем не птицы, а какая-то сволочь, может, даже и неземная во все. А меня она волнует меньше, чем мнение посторонней мамаша на улице с не в меру гринписнутым ребенком. Хотя со страху когда-то молились, а теперь вот сигареты прикуриваем – и ничего».

Эта мысль имела конкретное продолжение. Петя остановился, достал пачку «Мальборо», посмотрел на огонек зажигалки и закурил.

– Вот теперь еще чашечку кофе – и можно подумать о делах.

Петя зашел в новенькую кафе-кондитерскую, взял чашечку кофе и присел к столику у окна. Кафе после ремонта пахло свежей покраской. Шкодливая рука буфетчиц еще не успела «обжить» интерьер синтетическими цветочками и флуоресцентными пейзажами в золоченых рамках.

В кафе вошли две девчонки в том прекрасном возрасте, когда правильно оголенный пупок и марка мобильного телефона значат гораздо больше в жизни, чем рассуждения о ее смысле. Если последние вообще посещают хорошенькие головки. Девушки отличались яркостью раскраски, очень малым количеством одежды и множественным пирсингом в разных частях тела и лица.

Петя проводил их взглядом до стойки и опять уставился в окно, прихлебывая из чашки. Девушки заказали кофе и пирожные, заняв столик в углу за спиной у Петра. Начиналась жара, в кафе работал кондиционер, и выходить на улицу не хотелось.

И вдруг Петя понял, что в его голове кроме его собственных мыслей звучат еще какие-то голоса. Причем говорят на неизвестном восточном языке, которого он никогда раньше не слышал, но почему-то понимает.

Один голос приветствовал какого-то Меджида, которого наконец-то нашли, и заверял, что они и есть его настоящие друзья, и на их помощь можно рассчитывать. Хотя они сейчас тоже скрываются не самым лучшим образом, но слезки за ними нет.

Тот, к кому обращался голос на неизвестном языке, упорно молчал. Выслушав заверения, он, видимо, что-то решив, сказал: «Покажись!».

Девицы, сидящие за спиной у Пети, оживились. Одна из них замахала рукой над головой и закричала: «Мы здесь!».

Петя обернулся и посмотрел на нее, потом проследил за ее взглядом и увидел, как в кафе входит рослый накачанный юноша в цветастых шортах и с хвостиком волос на затылке.

Чмокнув девчонок в щечку, молодой человек заказал кофе без сахара и уселся к ним за столик. Поболтав, как показалось Пете, ни о чем, молодой человек выпил кофе, опять чмокнул своих подружек и вышел на улицу.

Петя тоже допил свой кофе, встал и направился к выходу. В стекле двери он увидел отражение все той же парочки, одна из девушек махала ему рукой, но Петя не обернулся.

«А это теперь что за дела?» – думал он. Ну, распущенные девицы – это еще понятно, но он сам хорош – все принимает на свой счет. Это еще было бы понятно, если б у него давно не было женщины, но сутки назад он провел ночь и часть дня с женщиной, превосходящей этих сопливых телок по всем статьям. И опять же эти голоса в голове. Тут он вспомнил заметку, в которой описывался человек, у которого в голове все время играла музыка и возникали разные слова. И все из-за того, что материалы в его пломбе образовали полупроводниковый диод, и он этим зубом принимал радиопередачи.

Нет, этот случай не годился. У дантиста Петя был давно и все никак не мог собраться сходить опять. Все дела, дела. Это все вредности работы. Недаром Галка все время ноет: «Бросай эти свои лампы – добром это не кончится. Зря, что ли, они тебе такие деньги платят – что-то тут не чисто!».

«Ну и что? Вон, морякам много больше платят, и вроде ничего – почти все живы. И радиоактивности там никакой нет – брал он на работу дозиметр, у друга одолжил. Конечно, в этом масле что-то есть такое, а может быть, даже и сякое, но в данном случае меньше знаешь – крепче спишь. Бросать это дело надо – тут Галка права! Вот немного денег накоплю – и брошу. Прямо с ближайшей получи-ки и начну копить. Накопить нужно штук десять, и тогда, положив их в кредитное общество, можно получать до двухсот долларов в месяц. А десять штук... если копить по пятьсот в месяц – можно за двадцать месяцев. Однако попробуй там столько проработай, когда за тобой грачи везде и голоса в голове – то ли еще будет!»

Если бы Петя взялся перечислять все свои опасения и возможные варианты странных событий, и делал бы это достаточно долго, то и тогда он вряд ли назвал бы то, что произошло в ближайшую минуту.

Петя почувствовал, что его кто-то нагнал и, видимо, старается обогнать. Не успел он чуть притормозить, пропуская спешащих вперед, как девичьи руки обвили его собственные.

– Петя, куда же ты от нас убегаешь? – спросила, та, что была в белых штанах, оказавшаяся справа.

– Мы тебя давно ищем и только сегодня нашли, – вторила ей слева красавица с сердечком в пупке.

Не успел Петя произнести что-то вроде, что он, конечно, тоже рад встрече, но не припомнит, чтоб они были знакомы, как левая девица сжала его руку. Нежно прижавшись к нему, она пробасила мужским голосом с восточным акцентом:

– Это хорошо, Меджид, что мы тебя нашли раньше некоторых, будь славен Иблис во веки веков! А теперь давай оторвемся от твоих любимых птичек и немножко побеседуем.

Петя дернулся в сторону, пытаясь освободиться из цепких лапок девиц, и, к своему удивлению, не смог. С изумлением он понял, что каждая намного сильнее него.

– Девочки, куда вы меня тащите? – поинтересовался Петя, все еще стараясь освободиться.

Следующая мысль Петю даже удивила. Как-то она не вязалась с предыдущими: «А какая разница? Лишь бы компания была хорошая».

– К тебе, Петя, едем, – ответила девушка с сердечком в пупке уже вполне девичьим голосом.

И Петя почему-то решил, что именно это он и хотел сказать. После этого Петя уже со свободными руками остановил машину и назвал свой адрес.

Бабушки, сидящие у подъезда, наконец-то получившие свою долю радости, стали бурно обсуждать редкое зрелище:

– Петя вон пошел домой в компании молоденьких девиц совершенно непристойного вида, так и липнут. Хотя сейчас вообще ничего понять невозможно. Вполне приличные девушки ходят по улицам так, как раньше постеснялись бы выйти из ванны в своей квартире.

– А эта коза в белых штанах могла бы их вообще снять. Все равно через них трусы видны, если это вообще можно назвать трусами.

– А Петя хорош! Вроде приличный молодой человек. Не алкоголик. Баба у него одна вроде, Галка. Так ее все тут знают. Разве что не работает.

– Нет, работает, но по ночам. Я вижу, в одиннадцать часов куда-то уходит. Наверное, сторожит.

– Ага, сторожем! И ночью в машину садится, и утром тоже на машине приезжает, и так каждое утро. У меня каждое утро бессонница. Я вижу. Этак он всю зарплату бы и проездил, а деньги у него есть. Хорошо одевается, и его Галка тоже.

– И плитку в ванной недавно положили. Дорогую, испанскую. Мне его соседка рассказывала.

– А сейчас прошел мимо и не поздоровался, может, пьяный?

– И девки эти на нем так и виснут. Галка, наверное, его бросила.

– Ну, если не бросила, то после таких выходов точно бросит.

– А как она узнает? Нет же ее дома – мы давно здесь сидим.

– Шило в мешке не утаишь! Сама не узнает – добрые люди подскажут.

На этой мажорной ноте дамы стали обсуждать меры по экономии электроэнергии ввиду предстоящих повышений цен с проходившим мимо электриком дядей Семой.

А Петя, войдя с красотками в свою квартиру, уселся на диван, не интересуясь и не удивляясь происходящему. А удивляться было чему.

В квартире девицы все оглядели и убедились, что слезки нет. Дева в белых штанах подошла к Пете и все тем же низким мужским голосом с восточным акцентом сказала:

– Не волнуйся, Меджид, все спокойно, никто за нами не следит. Выходи, поговорим.

На это Петя совершенно не своим голосом и с таким же акцентом резонно заметил:

– А эти дети порока, что за нами клювами щелкали? Они же вас в два счета раскусят и меня заодно. Вас что, давно не сжижали, что вы такие смелые?

– Не волнуйся, эти ублюдки мурены из газовой плиты сюда не сунутся – тут не их территория. А если бы нас было так легко раскусить, то это давно бы сделали ребята покруче этих.

– Уговорили, – сказал кто-то Петиними губами.

А дальше Петя увидел, как девушки превращаются в туманные полупрозрачные фигуры и к ним присоединяется третья, такая же, но с красноватым отливом, отделившаяся от его тела.

Фигуры напоминали снеговиков с размытыми краями и переменчивыми формами. Они слетелись к середине комнаты, а потом Петя уже ничего не видел, а видел аллею, которая убегала куда-то вдаль, и два ряда высоченных тополей вдоль нее, смыкающих вершины в перспективе. Аллея была посыпана желтым чистым песочком, и на этом песке стоял он – Петя.

Мимо шли разные люди по одному и группками. Все в одну сторону – в сторону сходящейся в перспективе аллеи. А над ним было небо, чистое и голубое, без единого облачка, и легкий ветерок шевелил листочки на тополях.

– Ты чего стоишь – тут нельзя стоять, – обратился к нему парень в джинсах, сандалиях на босу ногу и с рюкзачком на одном плече, – пошли.

И они пошли.

– Долго у людей, наверное, был? – спросил парень. – Вон никак обратно не превращаешься.

– А что, надо превращаться? – в свою очередь поинтересовался Петя.

– И что, так и будешь в этой несуразной шкурке щеголять? Экстремал ты какой-то. Или тебе человеком сильно понравилось? Так ты, наверное, первый раз в жидком мире, и все инструкции позабыл. Давай, давай, быстренько наверстывай! Вот, как я, хотя бы.

И тут Петя заметил, что парень стал полупрозрачным, и вокруг его фигуры появилось облачко, как показалось Пете, колышущегося теплого воздуха.

Оглянувшись, Петя увидел, что и с другими пешеходами происходят подобные превращения, и кроме того, в разных местах дороги стали возникать движущиеся силуэты с намечающимися внутри человеческими фигурами.

– Да мне, собственно, человеком еще быть не расхотелось, – сказал Петя, – я им уже являюсь, и даже уже привык.

– Что, так долго на Земле без перерыва? За что же тебя так? Ну ты действительно, прямо как человек выглядишь. А раньше ты чем занимался, если не секрет? – завалил Петю вопросами случайный попутчик.

– Как я был в прошлой жизни, мне неизвестно, – уклончиво ответил Петя. Эта беседа его явно начала развлекать. – И как родился в этой, так все человек да человек, я так думаю.

– Слушай, так ты действительно, кажется, настоящий человек, – вдруг стало доходить до Петиного собеседника, который формы еще не потерял, но сквозь рюкзачок стали проглядывать тополя. – Как же ты сюда попал? Это же аллея превращений для джиннов. Видишь, я из города – постепенно принимаю свою родную форму, а вон те уплотняются, – и джинн махнул рукой на группу полупрозрачных привидений, – в город собрались.

– А что они там забыли? – спросил Петя, про себя отметив, что он черте где ведет светскую беседу с развоплощающимся джинном, и его это как-то не очень беспокоит. «Наверно, потому что во сне», – подумал он.

– Ну, мало ли всяких дел, – уклончиво ответил джинн. – Вот я, например, изучаю аквариумное рыбоводство.

– Ты чё? – наконец-то удивился Петя. – Зачем тебе рыбки?

– Вот и говорю: ни к чему, – согласился джинн. – А шеф говорит: «Хочу, чтобы были рыбки, как у людей». А перетаскиваешь их сюда – все, нет рыбок, пар один. Прямо не знаю, что и делать. А на Земле я этих рыбок так и не понял – в жидкой среде живут, в газе нет, хотя какая тут принципиальная разница? И с жидкостью одни неприятности. В жидком метане не хотят и в азоте жидком тоже не живут, я уже все перепробовал. А как я эту воду к нам перетащу? Она же сразу на составляющие распадается. И чуть что – взрывается. Ужасная смесь. Я уже два раза взрывался, половину своей массы растерял. Знаешь, еще недавно я появлялся среди людей толстым солидным мужчиной, а теперь – вот, посмотри! – джинн задрал на груди футболку, показав цыплячью грудную клетку с торчащими ребрами.

– А почему бы твоему шефу не завести рыбок в городе? Времени наведываться, душу отводить, – предложил Петя.

– А я буду при них денно и ночью и совсем погибну для общества! – прибавил джинн.

– Ну почему же ты? Можно кого-нибудь из людей нанять, чтоб за рыбами смотрели.

– И раскрыть тайну присутствия джиннов среди людей? Да за такое развоплотят на атомы водорода, из которых неназываемый опять создаст когда-нибудь что-то вроде человека.

– Зачем же раскрывать? Я и так достаточно в курсе дела и в рыбах разбираюсь неплохо. Мог бы вам за мало денег аквариумное хозяйство декоративно-отдыхательное и создать.

От этой идеи джинн аж подскочил в воздух и стал медленно опускаться на дорожку, все время восклицая:

– Ух ты! Ух ты! Ух ты! Ты, кажется, мой спаситель. Все-таки люди не такие уж дураки, как принято считать, – заверил он, приземлившись на песок. Он превратился в полупрозрачное облачко горячего дрожащего марева. А призрачные фигуры, которые в начале пути были такими, как он сейчас, сгустились, обрели плоть и уже выглядели такими же людьми, как и Петя.

– Пора расставаться, – грустно сказал джинн. – Тебе вот с этими в город, а мне домой.

– А почему же мы вместе шли? – задал Петя вопрос, который все время вертелся у него на языке. – Ведь нам в разные стороны.

– А потому, что во времени нельзя идти назад, – пояснил джинн, окончательно теряя форму. – До встречи! – и стал отлетать в сторону.

Впереди аллея делилась на две, на развилке под кустом сирени на пеньке сидел грач, наблюдая исподлобья за процессом разделения. Вместе с воплотившимися джиннами Петя свернул направо и открыл глаза в собственной квартире.

Милиция

Доклад двигался ни шатко ни валко. С божьей помощью Дмитрий Александрович одолел уже два листа и самоотверженно долбил пятую страницу текста. Сотрудники дремали или играли в «морской бой», или читали. Дмитрий Александрович на них

не обижался, понимая и сочувствуя. Но! Порядок есть порядок, и он упорно бубнил: «создать прочную основу правопорядка в каждом вверенном участке...».

Депутата, чей доклад он упорно внедрял, они знали – под его началом работали не один год. Голосовали бы за него по-любому – мужик толковый, да и профессиональная солидарность. Но порядок есть порядок, и приходится терпеть предвыборный доклад.

И тут в кабинет влетел лейтенант Литвиненко. В руке он держал какой-то маленький плоский чайник. Натерпевшийся от доклада народ уставился на Витьку почти кровожадно.

– Ага! – сказал Дмитрий Александрович, с удовольствием откладывая осточертевшую речь. – Опаздываем! Отлыниваем, значит!

– Никак нет, преследовал преступника, – вытянулся по стойке смирно Литвиненко.

– И давно мы ловим мелких воришек и отнимаем украденное с лотка? – продолжал капитан.

– Никак нет, преследовал объявленного в розыск, того, что Петренка... Вот, он потерял, убегая.

Доклад был немедленно забыт. Витька обступили. Чайник пошел по кругу. Крышку все по очереди открыли, и масло, которое почему-то было в него налито, понюхали.

– Это не чайник, это светильник, лампа вроде тех, что у Аладдина, они сейчас в моде. Их на всех углах сейчас продают.

Дмитрий Александрович взял в руки странноватенький чайник, из носика которого свисал новенький фитиль, и велел сдать масло на экспертизу. Пришла лаборантка, оглядела лампу, отлила масла в десяток пробирок на анализ.

– Наркота? – спросил капитан.

– Не похоже, скорее какое-то нетипичное благовоние. Возможно, найдем изготовителя смеси.

Лаборантка ушла, а народ обступил Литвиненко.

– Рассказывай! – сказал капитан.

– Я уже закончил ту кражу и шел на троллейбус. Вдруг смотрю – мужик с тележкой, типа как в универсаме. Откуда, думаю, у него телега? До универсама три квартала, и не маленькие. И мужик такой цыганистый. Типа того, что в розыске. Только я это подумал, он как рванет – аж посуда задрезбужала. Я за ним. Он раз – и за торец

пятиэтажки. Я за ним. Едва за угол завернул, вижу, он за следующий угол заворачивает – только кроссовки мелькнули. Я туда – исчез!

– Как исчез? Куда?

– А не понять, с той стороны никуда не спрячешься. Справа одни окна пятиэтажки, даже балконов нет. И подоконники высоко – выше моего роста. Слева в двух метрах от дома трава и сетка, а за ней пустая волейбольная площадка и школа, а до школы метров двадцать пять. И длинная эта пятиэтажка – метров пятьдесят. И хоть бы одна форточка открыта! А даже если бы и была открыта, то как он в форточку с телегой влез? Я вдоль всего дома пробежал. За следующим углом три торговки никого не видали. Вот лампу нашел, аккурат на двадцать пятом метре.

– Ну, ты, допустим, не слишком спешил, что, в принципе, правильно – один без прикрытия и оружия. Ну, хорошо. Давайте посмотрим, что за цацка.

– У моей жены похожая есть, только стеклянная. Они теперь в моде. Туда какое-то масло заливают – оно горит и пахнет.

– Ладно, поглядим, чем оно пахнет, – сказал Дмитрий Александрович и поднес к фитильку зажигалку. Фитилек тихонечко затрещал и вспыхнул.

Очнулся Дмитрий Александрович в каком-то роскошном зале на пышной, чуть ли не королевской кровати с лиловым балдахином. Жутко воняло ирисами в огромной хрустальной вазе. Капитан выбрался из-под вышитых одеял и огляделся.

Зал оказался большим будуаром. Посредине располагался круглый инкрустированный цветным мрамором стол на замысловатых золоченых ножках. Вокруг него группировались кресла с овальными резными спинками, пуфики и банкетки – все обтянуто узорной парчой. Слева красовался туалетный столик с огромным зеркалом в раме из позолоченных цветов и завитушек, на которых сидели резные птицы. На самом верху целовалась пара голубей.

Огромные окна затеняли малиновые бархатные шторы с кистями и такими толстыми шнурами, что впору привязывать слона. У столика на полу стояла грандиозная хрустальная ваза, из которой торчал сноп ирисов и нещадно благоухал.

На столике громоздилась толпа флаконов с духами и баночек с притираниями вперемешку со шкатулками, полными драгоцен-

ностей. Сводчатый потолок, расписанный фривольными сценками купания древних богинь, чуть не гнулся под тяжестью позолоченной лепнины. Полтонны хрустала, бронзы и горящих свечей в виде люстры грозили свалиться на голову.

Дмитрий Александрович прошелся босиком по лохматому ковру и почувствовал, что кроме дурацкого золотистого халата, который не доставал даже до колен, ему мешает что-то еще. Пояснив самому себе, что это какой-то галлюциноген, и не особенно беспокоясь, капитан подошел к зеркалу – и плюхнулся на пуфик. И было от чего!

Дивной красоты золотистые волосы крупными локонами ниспадали по его плечам ниже пояса. Над великолепными черными глазами с обалденными ресницами, которым позавидовала бы любая королева, разлетались прекрасные брови. Нос стал крошечным, а губы, наоборот, – огромными и пухлыми. Под носом ни к селу ни к городу торчала гордость капитана – черные усы. Дальше шел один из капитанских подбородков с ямочкой, а еще ниже – ну просто лебединая шея, переходящая в хрупкие плечики.

В ужасе Дмитрий Александрович распахнул халат и воззрился на потрясающие белые груди пятого размера с ярко-розовыми сосками и осиную талию. Зад тоже оказался много уже того, на котором он сидел шестой десяток лет. Дальше, слава или не слава богу, был его собственный член и крепкие волосатые ноги с толстыми кривоватыми голеньями и ступнями сорок четвертого размера. Хорошие ноги человека, крепко стоящего на земле и много ходившего по долгу службы. Кисти рук тоже остались его родные. Только на правой руке на среднем пальце торчало кольцо со стрекозой, от которого, теряясь в волосах на тыльной стороне руки, тянулись три золотые цепочки к широкому браслету из бриллиантовых цветов.

– Измена!– пролепетал капитан, ущипнул себя за сосок и зашипел от боли. Он быстренько юркнул под одеяло, решив тихо переждать, пока наваждение кончится.

Не тут-то было! В дверь постучали, и голос дворецкого произнес:

– Его сиятельство граф Нортумберленд!

Дверь тут же распахнулась, и в будуар влетел красавчик в сером смокинге, белой рубашке и жемчужном галстуке. В руках он держал букет лилий, которые пахли похлеще ирисов. Молодой

человек бросил лилии прямо на кровать, стал на одно колено и страстно зашептал:

– О, любимая, я знал, я верил, что придет этот благословенный час. Ты перестанешь меня терзать и пригласишь меня в свой будуар. Смотри, какое дивное ожерелье из шестнадцати бриллиантов я тебе дарю.

Черные усы возлюбленной джентльмена явно не смущали. Граф начал деловито расстегивать смокинг, на что капитан осторожно заметил:

– Ты, парень, лучше приглядиись, с кем имеешь дело. Не вышло бы конфуза.

А сам стал судорожно прикидывать, надолго ли может хватить чертового зелья.

– Ах, твое чувство юмора бесподобно! – воскликнул граф, расстегивая жилет.

– Лучше не суйся! – угрожающе зарычал капитан.

Но красавчик продолжал разоблачаться, аккуратно развешивая свои вещи по креслам.

Дмитрий Александрович вылез из-под одеяла.

– Ты гляди, дурья башка, какая я тебе баба!

– О, прелесть моя, – снова затоковал граф. – Твои несравненные ножки, твои ручки, униженные перстнями! Они меня сводят с ума!

Глаза у парня горели страстным огнем, он протянул руки к капитану, но тот быстренько спрыгнул с кровати и перебежал за стол. Не то чтобы он не мог управиться с графом. Просто было как-то неловко обижать помешанного. Граф чуть было не упал, запутавшись в спущенных брюках, но быстро их снял и бросился преследовать капитана в кальсонах со штрипками.

Граф и капитан кружили вокруг стола. Время от времени капитан ронял кресла, чтобы отрезать графу путь к двери. План был прост: подловить горе-любовника в узком месте и связать простынями. Что делать дальше, капитан не знал, но надеялся, что время покажет.

Граф бегал, как заяц, лепетал страстную чушь, все о прекрасных ногах. И вдруг проявил неожиданное коварство. На очередном витке вокруг стола он перепрыгнул через пуфик и вцепился в золотистые локоны. Капитан зашипел от боли, еще раз убедив-

шись, что они – не парик. Этого капитан уже не стерпел. Плюнув на все церемонии, он долбанул графа пяткой по кости ниже колена, и когда тот, взыв от боли, ослабил хватку, выкрутил ему руки за спину. Довел до кровати, быстро связал вышитой простыней и шнуром от гардины. Граф ругался, как сапожник, перемежая проклятья страстными мольбами.

И вдруг все кончилось. Капитан стоял у себя в отделении. Вокруг толпились встрепанные и раскрасневшиеся сотрудники. У одного из них на скуле медленно наливался синяк. Они поглядели друг на друга и почему-то покраснели.

– Тааак! – сказал капитан. – Будем рассказывать по очереди. Начинайте, Анищенко.

– Почему я? Почему всегда я? – возмутился лейтенант.

– По алфавиту! Продолжайте.

– Я оказался в сводчатом помещении в стиле, наверное, рококо, – начал Анищенко, покраснел, сел и сказал: – Нет. Не могу!

Дмитрий Александрович вздохнул.

– Нет, это не наркота. Это психотронное оружие! Прошу поднимать руку.

После того как выяснилось, что все видели зеркало с голубями, вазу с ирисами, малиновые шторы и мужчину примерно двадцати пяти лет в сером смокинге, капитан отпустил сотрудников по домам. Опера угрюмо хмыкали и бормотали себе под нос что-то нецензурное. Но, выйдя из управления, когда Литвиненко спросил: «Интересно, а что видел капитан?» – вся группа в беззвучном хохоте повалилась на газон.

А Дмитрию Александровичу было не до смеха. Он вошел в кабинет подполковника, неся лампу, как фуражку на военном параде. Начальника он знал давно – еще учились вместе. Секретов у них не было. Но сейчас тот говорил по телефону, и явно с начальством. Капитан сел на стул в самом конце длинного стола, чтоб не мешать разговору. В ожидании он стал оглядываться по сторонам. Вдоль стен стояли шкафы с книгами и папками документов, а на столе у телефона стояла точь-в-точь такая же лампа.

«Ага! – подумал Дмитрий Александрович. – Дело на контроле». Поставил лампу на стол и ушел – начальство решило поговорить капитально.

Суккубы

Девушки вышли из подъезда и остановились, щурясь от яркого солнца. Их уже тут ждали.

– Что-то быстро Петька справился – видно, Галка не дает. Может, поссорились они? – предположила баба Муся. – Эти телки и рады стараться. Вон потягивается – кошкина дочь.

– Надо будет Галке сказать, – согласилась баба Клава. – Клизма еще никому не помешала для желудка. Ну и семья так крепче.

– Да, ты в клизмах разбираешься: как твой Коля домой приходит никакой – так сама и получаешь, семью сохраняя уж сорок лет, – перешла на личности баба Муся.

– А я так думаю, девочки, – вступил в разговор активист домкома Семеныч, – не видать Юле премьерства, как своих ушей. Как бы она не ерепенилась. А вот что из этого выйдет, надо прикинуть. Может, гречки купить на пенсию?

Девушки прошли мимо проводившего их взглядом собрания и медленно двинулись по дорожке, демонстративно виляя бедрами.

– Видишь, Рашид, – сказала та, что была в белых штанах, – форма вызывает поток ассоциаций. И если этот поток направить в правильное русло, то человек начинает думать определенным образом, исходя из своего жизненного опыта и общественных представлений. Ведь ни одно из этих существ возле подъезда не сказало: «Смотрите, смотрите – вот идут два джинна!» – а ты не хотел воплощаться в эти формы.

– Во-первых, мне на мнение этих людей наплевать плазмой. Если бы я был в форме собаки, они бы тоже ничего не заметили. Меня сейчас интересует, не распознала ли нас компания симпатичных птичек? Это нам просто повезло, что за Петей послали следить этих дурней с заданием проверить его человеческие связи. А если бы были ифриты рангом выше, вышагивал бы ты, гордо тряся сиськами. Тебе бы не только их мигот оторвали. Кстати, за нами следят. Надеюсь, как за людьми.

Один из грачей пролетел над ними вдоль дорожки между домами и уселся на ветке, поджидая подружек.

– А сейчас мы расширим круг их забот.

Девушка с сердечком в пупке достала из сумочки мобильник и заговорила: «Машенька, привет! Вы там все на пляже? И Вовчик есть? И Андрюша? Мы с Софочкой сейчас тоже придем. Пока, пока!».

– Вот, – сказала она, пряча мобильник, – сейчас мы пойдем на пляж и пообщаемся с нашей компанией. Хотя немного отдохнем от этих тряпок. Слава огню – тут нудистский пляж есть. Заодно и подзарядимся от солнца.

– Слушай, Рашид! – сказала Софочка. – Давай воплощаться вместе с одеждой, как все. Это же действительно безобразно, что приходится выбирать такие мерзкие для джиннов места, как этот пляж.

– Софочка, мы на спецзадании, если мы будем воплощаться вместе с одеждой, то снимать ее мы не сможем. А девушка, не меняющая одежду, а тем более – ее не снимающая, – это очень подозрительно. Кстати, перестань звать меня Рашидом. Называй меня, ну, например, Идой. И похоже, и оригинально.

– Хорошо, – согласилась Софочка. – А потом мы пойдем на дискотеку, а эти пернатые пусть прослеживают наши связи.

– Вот насчет связей – это мысль. Надо же как-то использовать противоестественное положение, в котором мы вынуждены пребывать. И в истории масса примеров. Суккубы называются. Многим нравилось. И для пользы дела. А грачи пусть на ветке под дождем дожидаются. Чтоб им приснился плов из жирного барашка на пустой желудок.

Девушки искоса глянули на грача, повернули к дороге и стали останавливать маршрутку.

Петя

Девушек в комнате уже не было. Сквознячок из приоткрытой двери шевелил балконную занавеску. «Заснул я, что ли?» – подумал Петя, встал и пошел закрывать дверь.

На столе в хрустальной пепельнице дымилась тонкая коричневая дамская сигарета с золотым ободком и следом вишневой помады. Столбик пепла, изгибаясь, добрался до фильтра и от Петиного движения упал на доньшко. В комнате пахло корицей.

«Ой, мамочки, ублюдательный комитет! – в ужасе подумал Петя. – И чего эти старые змеи во дворе теперь Галке понараскажут! И что же это было? Ведь было же, черт возьми!»

Петя обошел квартиру – входная дверь была заперта. Отхлебнул недопитый с утра чай на кухне. Посмотрел на себя в зеркало –

отражался он один, больше никого. «Хотя эта сволочь может и не отражаться», – подумал он.

Кто-то из него выходил и с этими проשמандовками разговаривал – это Петя помнил хорошо. А вот зашел ли этот гад обратно – это еще вопрос. Вроде бы он не хотел уходить – значит, сидит.

Вот, значит, для чего его на работу приняли – джинна подселили. То-то Соломон так радовался, когда его на работу брал. Та еще сволочь. И ушастый этот, что директором числится, вообще на джинна сильно похож – морда гнусная. Я бы никому из них и десять гривен не одолжил.

Значит так: раз они меня в качестве подходящего домика на работу взяли, значит, они на стороне джинна. Тогда почему же девки предлагали ему выйти и спастись? От кого? От Соломона с компанией? Наверное, эти гады моего джинна предали. С них станется. И теперь, чтобы схватить этого джинна, нужно, чтоб он из меня вышел, а он не хочет.

И тут Петя сделал логический вывод, который ему очень не понравился. Для того чтобы жильцы оказались на улице, нужно ликвидировать дом. А домом является он, Петя Пчелкин.

Опля! Значит, именно его и собираются убить – какая неприятность! И убить его могли в любой момент: вон, грачи не отстают. То-то Галка все время твердила: «Брось эту работу к чертовой матери», – предчувствие у нее было. Женская интуиция. А может, женская интуиция – это и есть способность чувствовать джиннов, их зловерные козни? Веками вырабатывалась. Впрочем, сейчас какая разница?

Что же теперь делать? Когда эта неприятность может произойти?

«А прямо сегодня ночью и может, – вдруг осенило Петю. – Соломон звонил, чтобы я сегодня на работу не выходил. Не хотят иметь труп у себя в подвале – гады! А мы вот что придумаем. Где всякая сволочь нас не достанет? На святой земле».

Петя вышел на улицу, поймал машину и поехал в храм.

– В какой храм? – спросил водитель.

– В католический, – уточнил Петя, вспомнив, что в костеле есть скамейки, и можно посидеть.

Костел на Гаванной был открыт. Петя зашел, подумал и перекрестился справа налево. Сел на скамейку, уставившись на алтарь, и стал думать.

Вывод напрашивался такой: грохнуть его могут и так, за то, что много знает, но от своего жильца избавиться надо, и как можно скорее. Пусть себе идет к своей чертовой матери и уже там разбирается со своими врагами. А как это сделать, кроме самоубийства? Клизмой его не возьмешь. От водки ему, может, плохо и становится, но он, видимо, все-таки не выходит.

И вот светлая мысль наконец посетила Петю – может, сказано святое место. На визитке того странного художника было написано: «Экзорцизм». А это изгнание всяческой нечистой силы. Может, у него в комнате не только художники и любители плова, но и эти самые изгонятели есть.

К Петру подошел служитель и попросил покинуть храм в связи с закрытием. Петя вышел на улицу. Уже зажигались фонари, странно тоскливые на фоне сумерек. Он пересек Дерибасовскую и медленно побрел по Александровскому проспекту. Он попытался придумать, как начать разговор, чтоб его не сочли ненормальным. Время от времени Петя оглядывался, обходя подозрительные группки молодежи, особенно если в их составе были веселые девицы. Грачей что-то не было видно. «Это плохо, – подумал Петя. – Если сняли наблюдение, значит, им про меня все ясно. Надо на что-то решаться».

Остановив машину, Петя назвал ближайший к дому художника перекресток.

В подъезде пахло все так же, но было темно. Единственная лампочка горела где-то во дворе у парадной двери. Постучал.

Соломон и Дионисий

Ни к какому Крестовоздвиженскому Соломон, конечно, не пошел. Коньяк начал свое расслабляющее воздействие, и Соломон решил сначала немножко отдохнуть и подремать, а уж потом...

Когда Марина уходила домой, прощаться было не с кем. Исполнительный директор мирно спал, посапывая в своем комфортабельном кресле. Проснулся Соломон Давидович, когда кабинет и парк за окном погрузились в сумерки. Последние оранжевые лучи солнца отражались от позолоченных крестов Успенского собора. На западе небо было еще бирюзовым, и по нему летели запоздалые грачи. «Все

нормальные люди, как выпьют, начинают веселиться, а меня на сон тянет», – подумал он, отметив, что это его естественная реакция.

«А может, эта доза добила вообще не пьющего джинна, и он лежит на дне моего сознания без чувств? Надо этим воспользоваться!»

Эта мысль оживила Соломона и придала его жизни определенный смысл.

Он сварил кофе, и пока тот остывал, начал искать в записных книжках номер телефона «этого попа», как называл Дионисия про себя Соломон. То, что поп заходил, Соломон точно помнил. Все его тут хорошо знали, кроме, собственно, директора. А сам он близкого знакомства не сводил, подозревая, что его начальство с попом в состоянии вооруженного нейтралитета.

Не найдя ничего в своих записных книжках, Соломон пошел в приемную Марины. Там он взял с полки альбомчик с визитками, полистал и почти сразу нашел – на фоне церковных куполов с православными крестами было написано: «Отец Дионисий. Экзорцизм», – и телефон.

«Даа, – подумал Соломон, – такой специалист никакому джинну не понравится, а мне, кажется, самое то».

Часы показывали двадцать минут десятого, приличные люди в такое время в гости не ходят. Ну, а как завтра с утра ухайдаканный коньяком джинн придет в себя? Надо попробовать. Соломон подошел к телефону и набрал номер. Сердце бешено колотилось.

– Добрый вечер, Соломон Давидович, – поздоровался молодой голос из трубки.

– Мне бы господина Крестовоздвиженского, – нерешительно попросил Соломон, подозревая, что он не туда попал.

– Он вас ждет, дорогой Соломон Давидович, приходите, не стесняйтесь, всегда рады вас видеть.

– Мне бы адрес, – Соломон вдруг вспомнил, что на визитке адреса не было.

– Так вы у нас впервые? Будем вдвойне рады вас видеть, – сказал молодой голос и назвал адрес.

«Наверное, секретарь, – подумал Соломон. – Может, поздний вечер и ночь – это у них самое приемное время. Впрочем, кое-кто тоже по ночам работает. Петя, например».

Продолжение следует